

ВСЕМИРНАЯ ТИРАНИЯ

Те, кто основал американскую нацию, не могли себе вообразить, что то, что они Тогда провозгласили, таило в себе, как любое другое историческое общество, зачатки собственного преобразования.

В привлекательной Декларации независимости от 1776 года, которой в прошлую среду исполнился 231 год, утверждалось нечто, что так или иначе пленило многих из нас: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

То было плодом влияния лучших мыслителей и философов Европы, задавленной феодализмом, привилегиями аристократии и абсолютными монархиями.

Жан-Жак Руссо утверждал в своем знаменитом «Общественном договоре»: «Самый сильный никогда не бывает достаточно сильным, чтобы быть хозяином, если не преобразует силу в право и покорность в долг... Сила – это физическая мощь; не вижу, какая мораль может проистекать из ее последствий. Уступить силе – акт необходимости, а не воли... Отказаться от свободы – значит отказаться от качества человека, от прав Человечества, даже от его обязанностей. Нет возможного вознаграждения для того, кто отказывается от всего».

В тринадцати добившихся независимости колониях существовали к тому же такие страшные формы рабства, как в древние времена. Мужчин и женщин продавали на общественных аукционах. Возникающая нация рождалась с собственной религией и культурой. Пошлины на чай стали искрой, вызвавшей восстание.

На тех беспредельных землях рабы продолжали оставаться таковыми в течение почти 100 лет, и по прошествии двух веков их потомки страдают от последствий. Существовали индейские общины – законное естественное население, там были леса, вода, озера, стада из миллионов бизонов, природные виды животных и растений, обильные и разнообразные продукты питания. Тогда не знали углеводов и огромного разбазаривания энергии, идущего в современном обществе. Та же декларация принципов, если бы ее провозгласили в странах, лежащих на территории пустыни Сахара, не создала бы рая для европейских эмигрантов. Сегодня приходится говорить об иммигрантах из бедных стран, которые ежегодно миллионами переходят или пытаются перейти границы Соединенных Штатов в поисках работы и не имеют даже родительских прав на своих детей, если они рождаются на американской территории.

Филадельфийская декларация составляется в эпоху, когда существовали только маленькие типографии и письма шли из одной страны в другую месяцами. Можно было пересчитать по пальцам тех немногих, кто умел читать и писать. Сегодня изображение, слово, идеи доходят в доли секунды из одного угла глобализированной планеты в другой. В умах создаются условные рефлексy. Можно говорить не о праве на свободу слова, а о злоупотреблении этим правом и о массовом отчуждении. В то же время при помощи маленького электронного аппарата любой человек в мирный период может послать в мир свои идеи без того, чтобы ему разрешала это

какая бы то ни было конституция. Борьба будет борьбой идей, во всяком случае, борьбой массы истин против массы лжи. Истины не нуждаются в коммерческой рекламе. Никто не может быть не согласен с Филадельфийской декларацией и с «Общественным договором» Жан-Жака Руссо. В обоих документах обосновывается право бороться против воцарившейся всемирной тирании.

Можем ли мы игнорировать грабительские войны и бойни, которые навязывают бедным народам, составляющим три четверти жителей планеты? Нет! Они очень свойственны современному миру и системе, которая не может держаться другим способом. Огромной политической, экономической и научной ценой род человеческий ведут на край пропасти.

Моей целью не является повторение концепций, упоминавшихся в других размышлениях. Отталкиваясь от простых фактов, я намереваюсь доказывать огромную степень лицемерия и полное отсутствие этики, характеризующие хаотические по своей природе действия правительства Соединенных Штатов.

В размышлениях «Машина убийств», опубликованных в прошлое воскресенье, я сказал, что о попытке отравить меня с использованием чиновника кубинского правительства, имевшего доступ в мой кабинет, мы узнали из одного из последних рассекреченных документов ЦРУ. То был человек, о котором следовало найти информацию, у меня не было под рукой необходимых данных. В действительности я просил прощения, если ранил чувства кого-либо из потомков, будь упомянутый человек виновным или нет. Я продолжал затем анализировать другие важные темы в документах, раскрытых ЦРУ.

В первые годы Революции я почти ежедневно бывал в недавно созданном Национальном институте аграрной реформы, который находился там, где сегодня находится Министерство Революционных вооруженных сил. Я еще не мог располагать Дворцом Революции, где тогда был Дворец правосудия. Его строительство было выгодной сделкой сверженного режима. Главная прибыль заключалась в повышении цены на землю, с которой согнали тысячи людей, кого я, только что выпущенный адвокат, защищал бесплатно в течение месяцев перед государственным переворотом Батисты. То же происходило с другими роскошными сооружениями, которые во многих случаях еще предстояло завершить.

Из кабинетов НИАР 4 марта 1960 года я услышал оглушительный взрыв судна «Ля Кубр» и увидел колонну черного дыма, встававшего над портом Гаваны. Мне быстро пришла на ум мысль о судне, груженном противотанковыми и противопехотными гранатами, которыми можно было стрелять из винтовок ФАЛ, приобретенных в Бельгии – стране, которую никто не мог бы заподозрить в коммунизме. Я немедленно спустился, чтобы отправиться на место происшествия. По пути из-за шума и вибрации транспорта я не сумел услышать второго происшедшего там взрыва. Погибло более 100 человек, и десятки остались изувеченными. На похоронах жертв спонтанно родился возглас «Родина или смерть».

Известно, что все было тщательно запланировано в порту отгрузки Центральным разведывательным управлением. Судно заходило в порты Гавра, Гамбурга и Антверпена. В этом последнем, бельгийском порту были погружены гранаты. При взрывах судна погибло также несколько французских членов экипажа.

Почему во имя свободы информации не рассекречивается ни единого документа, где говорилось бы, как ЦРУ уже почти полвека назад взорвало судно «Ля Кубр» и прервало поставку бельгийского оружия, которая, как признало само Управление 14 июня 1960 года, очень беспокоила Соединенные Штаты?

Чему я посвящал свое время в лихорадочные дни, предшествовавшие вторжению на Плая-Хирон?

Первая большая чистка в Эскамбрае произошла в последние месяцы 1960 и в начале 1961 года. В ней участвовало более 50 тысяч человек, почти все из бывших провинций Гавана и Лас-Вильяс.

Поток оружия прибывал на судах из Советского Союза, которые не взрывались по прибытии в порты. Было бесполезно пытаться закупать их в других странах, чтобы так избежать предлогов, которые использовали Соединенные Штаты, чтобы вторгнуться в Гватемалу, что на протяжении лет обошлось этой стране в более ста тысяч убитых и пропавших без вести.

Мы приобрели в Чехословакии легкое оружие и определенное число зенитных пушек калибра 20 миллиметров с двойным стволом. Танки с орудиями 85-миллиметрового калибра, бронированная артиллерия 100-миллиметрового калибра, противотанковые пушки 75-миллиметрового калибра, минометы, гаубицы и тяжелые пушки до 122 миллиметров и легкие и тяжелые зенитные орудия шли прямо из Советского Союза.

Традиционными методами потребовался бы по меньшей мере год, чтобы подготовить необходимый персонал для обслуживания этих орудий. Подготовка произошла за несколько недель. Этой основной задаче мы посвящали практически сто процентов нашего времени в течение почти двух лет после победы Революции.

Мы знали о неизбежности нападения, но не знали, когда и как оно произойдет. Все возможные точки доступа защищались или были под наблюдением. Руководители находились на своих местах: Рауль в Ориенте, Альмейда в центре, и Че в Пинар-дель-Рио. Мой командный пункт был в столице: приспособленный для этого старый буржуазный особняк на высоком правом берегу реки Альмендарес, недалеко от места, где она впадает в море.

Уже наступил день - 15 апреля 1961 года, и я с ночи находился там, получая сообщения из Ориенте, куда прибыло с юга Соединенных Штатов судно под командованием Нино Диаса с группой контрреволюционеров на борту, одетых в оливковую форму, такую же, как наша, чтобы совершить высадку в районе Баракоа. Они делали это в качестве обманного маневра, чтобы отвлечь внимание от точного пункта главного направления и создать как можно больше путаницы. Судно уже находилось на расстоянии прямого выстрела противотанковых орудий в ожидании высадки, которая в конце концов не произошла.

Одновременно сообщили, что 14-го вечером взорвался в воздухе, выполняя разведывательный полет над районом возможной высадки, один из наших трех реактивных истребителей - учебных, но способных сражаться, то была несомненно акция американцев, произведенная с военно-морской базы в Гуантанамо или из другой точки на море или в воздухе. Тогда не было радаров, чтобы точно определить, что произошло. Так погиб выдающийся революционный пилот Орестес Акоста.

С упомянутого командного поста я смог увидеть В-26, которые пролетели над этим местом почти на бреющем полете, и через несколько секунд я услышал взрывы первых ракет, внезапно выпущенных против наших молодых артиллеристов, которые в большом числе обучались на воздушной базе Сьюдад-Либертад. Ответ этих молодых храбрецов был почти моментальным.

С другой стороны, у меня нет ни малейших сомнений в том, что Хуан Орта был предателем. Соответствующие данные о его жизни и поведении находятся там, где должны находиться: в архивах управления госбезопасности, родившегося в те годы под беглым огнем врага. Эта деятельность была поручена людям, обладающим большим политическим сознанием.

Орта получил отравленные таблетки, предложенные Мэхью Джанканой и Сантосом Траффиканте. Разговор этого последнего с Розелли, выполнявшим роль связного с организованной преступностью, произошел 14 сентября 1960 года, за несколько месяцев до выборов и прихода к власти Кеннеди.

Предатель Орта не имел особых заслуг. Я переписывался с ним, когда мы искали поддержки эмигрантов и изгнанников, живших в Соединенных Штатах. Его ценили за его кажущуюся

подготовку и услужливость. К этому у него были особые способности. После победы Революции, в важный период, он часто имел ко мне доступ. Исходя из возможностей, которые были у него тогда, верили, что он сможет бросить яд в прохладительный напиток или апельсиновый сок.

Ранее он получил деньги от преступных организаций за предположительную помощь в открытии казино. С этими мерами он не имел ничего общего. Решение приняли мы. Необдуманный и не принятый коллегиально приказ Уррутиа закрыть их создавал хаос и вызывал протесты тысяч работников туристического и торгового сектора, когда безработица была очень высока.

Некоторое время спустя казино были окончательно закрыты Революцией.

Когда ему передали яд, в отличие от того, что происходило в первое время, у Орты было очень мало возможностей встретиться со мной. Я был полностью занят деятельностью, о которой рассказал выше.

Не говоря никому ни слова о вражеских планах, 13 апреля 1961 года, за два дня до нападения на наши воздушные базы, Орта попросил убежища в посольстве Венесуэлы, которое Ромуло Бетанкур предоставил в безоговорочное распоряжение Вашингтона. Многочисленным контрреволюционерам, укrywшимся там, не давали разрешения на выезд, пока не ослабели зверские вооруженные нападения Соединенных Штатов на Кубу.

Нам уже приходилось противостоять в Мексике предательству Рафаэля дель Пино Сьеро, который дезертировал за несколько дней до нашего отплытия на Кубу – этой даты он не знал - и продал Батисте за 30 тысяч долларов важные секреты, имевшие отношение к части оружия и судну, перевозившему нас на Кубу. С изощренной хитростью он разделил информацию, чтобы завоевать доверие и обеспечить выполнение каждой части. Сначала он получил несколько тысяч долларов за вручение двух складов оружия, о которых знал. Неделей позже он передаст самое важное: судно, которое привезет нас на Кубу, и место высадки. Всех нас могли схватить вместе с остальным оружием, но сначала должны были передать ему остальные деньги. Наверняка его консультировал какой-нибудь американский эксперт.

Несмотря на это предательство, мы отбыли из Мексики на яхте «Гранма» в назначенный день. Некоторые из тех, кто поддерживал нас, верили, что Пино никогда не предаст, что причиной его дезертирства было недовольство дисциплиной и занятиями, которые я от него требовал. Не скажу, как я узнал об операции, задуманной им с Батистой, но я узнал об этом с точностью, и мы приняли соответствующие меры, чтобы защитить людей и оружие на пути в Тукспан – к месту отплытия. Эта ценная информация не стоила ни сентаво.

Когда закончилось последнее наступление тирании в Сьерра-Маэстре, нам также пришлось противостоять дерзким действиям Эваристо Венерео – агента режима, который, переодетый революционером, попытался внедриться в наши ряды в Мексике. Он был связным с тайной полицией этой страны – крайне репрессивного органа, которому помогал на допросе Кандидо Гонсалеса, кому в ходе допроса завязали глаза, - героическому бойцу, убитому после высадки. То был один из немногих товарищей, ведших машину, на которой я двигался.

Эваристо затем вернулся на Кубу. У него было задание убить меня, когда наши силы уже наступали на Сантьяго-де-Куба, Ольгин, Лас-Вильяс и запад нашей страны. Это стало известно в подробностях, когда были захвачены архивы Службы военной разведки. Все это есть в документах.

Я пережил множество планов меня убить. Только случай и привычка тщательно наблюдать за каждой деталью позволили нам пережить хитрости Эутимио Герры в первые и самые драматичные дни Сьерра-Маэстры - всем, кто затем был известен как руководители победившей Революции: Камило, Че, Раулю, Альмейде, Гильермо. Мы возможно погибли бы, когда враг, которого привел предатель, чуть-чуть не уничтожил нас, нелепо окружив наш ничего не

подозревавший лагерь. В короткой стычке нам пришлось испытать болезненный удар: мы потеряли Хулио Сенона Акосту, чернокожего рабочего-сахарника, замечательного и активного человека, который обогнал меня и упал рядом со мной. Другие пережили смертельную опасность и позже погибли в бою - такие как Сиро Фриас, прекрасный товарищ и многообещающий командир, который пал в Имиас, в зоне Второго фронта; Сиро Редондо, который яростно сражался с врагом в составе колонны Че и погиб в Мальверде, и Хулито Диас, который, непрерывно стреляя из своего пулемета 30-го калибра, был убит в нескольких шагах от нашего командного пункта при атаке на Уверо.

Мы сидели в засаде в хорошо выбранном месте, ожидая врага, потому что заметили, что в тот день у него намечалось передвижение. Наше внимание отвлеклось всего на несколько минут, когда пришло два человека из группы, которых мы послали на разведку за несколько часов до принятия решения о смене места, и они вернулись без какой бы то ни было информации.

Эутимио вел врага, надев белую гуаяберу – единственное, что виднелось в лесу Альто-де-Эспиноса, где мы его ждали. Батиста уже подготовил сообщение о ликвидации группы, которое считалось надежным и цитировалось прессой. Слишком доверившись, мы в действительности недооценили врага, пользовавшегося человеческими слабостями. В тот момент нас было около 22 человек, закаленных и избранных. Рамиро, раненый в ногу, приходил в себя вдали от нас.

Благодаря передвижению, совершенному в последнюю минуту, в тот день спаслась от сокрушительного разгрома колонна из более чем 300 солдат, продвигавшихся гуськом по обрывистым и поросшим лесом склонам.

Как действовала эта машина в отношении Революции на Кубе?

Очень рано – в апреле 1959 года – я посетил Соединенные Штаты по приглашению вашингтонского Пресс-клуба. Никсон удостоил меня приема в своем частном кабинете. Позже он утверждал, что я был невеждой в экономических вопросах. Я настолько сознавал собственное невежество, что записался на три университетских специальности, чтобы получить стипендию, которая позволила бы мне изучать экономику в Гарвардском университете. Я уже освоил и сдал все предметы по специальностям правоведения, дипломатического права и социальных наук. Мне осталось сдать только два предмета: историю социальных учений и историю политических учений. Я изучал их очень тщательно. В том году никто из студентов не пытался добиться этого. Путь был свободен, но события на Кубе начали развиваться очень быстро, и я понял, что момент был неподходящим, чтобы получить стипендию и изучать экономику.

Я посетил Гарвард в конце 1948 года. Вернувшись в Нью-Йорк, я купил издание «Капитала» на английском языке, чтобы изучать прославленное произведение Маркса и попутно углубить знание этого языка. Я не был подпольным членом Коммунистической партии, как решил Никсон с его плутовским и пытливым взглядом. Если что-либо я могу утверждать – и я обнаружил это в университете, – это то, что в результате моих собственных анализов и занятий я был сначала утопическим коммунистом, а затем радикально настроенным социалистом, готовым бороться с применением соответствующей стратегии и тактики.

Моим единственным препятствием при беседе с Никсоном было отвращение, мешавшее мне искренне объяснять свои идеи вице-президенту и возможному будущему президенту Соединенных Штатов, эксперту по экономическим концепциям и имперским методам правления, в которые я не верил уже давно.

В чем была суть той встречи, длившейся несколько часов, как рассказывает автор рассекреченной памятной записки, где говорится в ней? Я опираюсь только на воспоминания о случившемся. Из этой памятной записки я выбрал несколько абзацев, которые, по моему мнению, наилучшим образом объясняют идеи Никсона.

«Кастро особенно беспокоился по поводу того, не раздражил ли он сенатора Смазерса комментариями, сделанными по его поводу. Я заверил его в начале разговора, что «Meet the Press» («Встреча с прессой») была одной из самых трудных программ, в которых может участвовать государственное должностное лицо, и что он провел ее чрезвычайно хорошо, особенно если учитывать факт, что он отважился говорить по-английски без помощи переводчика.

Также было очевидно, что в отношении его визита в Соединенные Штаты его главным интересом было «не добиться изменения сахарной квоты или получить правительственный заем, а завоевать поддержку своей политики со стороны американской общественности».

Именно его почти рабское подчинение преобладающему общественному мнению – то есть голосу плебса, – а не столько его наивное отношение к коммунизму и его очевидное отсутствие понимания самых элементарных экономических принципов, – больше всего тревожило меня, когда я оценивал, каким лидером он станет в будущем. По этой причине я все возможное время пытался настаивать на том, что хотя у него был большой дар лидера, но ответственность лидера – не следовать всегда голосу общественности, а помочь направить ее по правильному пути, не давать народу того, что он думает, что хочет в момент эмоционального напряжения, а добиться, чтобы народ хотел того, что должен иметь.

Когда пришел мой черед говорить, я попытался настоять на факте, что хотя мы верим в правительство большинства, даже большинство может быть тираническим и что есть определенные индивидуальные права, которые большинство никогда не должно иметь силу задавить.

Я искренне думаю, что не произвел на него большого впечатления, но он слушал меня и казался восприимчивым. Я попытался представить ему свою мысль в основном с точки зрения того, как его место в истории будет определено отвагой и способностью государственного деятеля, которые он проявит в этот момент. Я настаивал на том, что легче всего следовать за чернью, но что поступать правильно в дальнейшем будет лучше для народа и, конечно, лучше также и для него. Как я уже сказал, он был невероятно наивен в отношении коммунистической опасности и, казалось, ничуть не боялся, что коммунисты в конце концов могли бы прийти к власти на Кубе.

В наших разговорах о коммунизме я снова попытался выдвинуть аргументы в свете его собственных интересов и указать, что революция, которой он руководил, могла бы обернуться против него и против кубинского народа, если только он не сохранит контроль над ситуацией и не обеспечит, чтобы коммунисты не добились власти и влияния. В этом смысле сомневаюсь, что я добился многого.

Я как можно больше настаивал на том, что ему необходимо перекладывать часть ответственности на других, но снова сомневаюсь, что заставил себя понять.

Было очевидно, что пока я восхвалял такие темы как свобода слова, прессы и религии, его главной заботой было развивать программы в целях экономического прогресса. Он повторял снова и снова, что человек, работающий на полях сахарного тростника в течение трех месяцев в году и голодающий остальной год, хочет работу, что-нибудь поесть, дом и кое-какую одежду.

Он указал, что было бы очень глупо со стороны Соединенных Штатов давать оружие Кубе или любой другой карибской стране. Он добавил: «Все знают, что наши страны не смогут участвовать в защите этого полушария в случае, если вспыхнет мировая война. Оружие, полученное правительствами этого полушария, используется только для подавления народа, так, как делал Батиста, чтобы попытаться покончить с революцией. Было бы намного лучше, если бы деньги, которые вы даете странам Латинской Америки на оружие, предназначались бы на капиталовложения». Должен признать, что, в сущности, в его аргументах едва ли было то, с чем я не мог бы не согласиться.

Мы долго обсуждали, какими путями Куба могла бы получить капиталовложения, необходимые для ее экономического развития. Он настаивал, что то, в чем Куба в основном нуждается и чего он хочет, - это не частный капитал, а капитал правительственный.»

Я имел в виду капитал кубинского правительства.

Сам Никсон признает, что я никогда не просил средств у правительства Соединенных Штатов. Он немного путается и утверждает:

«...что правительственный капитал ограничен вследствие того, что на него имеется много претензий, вследствие бюджетных проблем, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время».

Очевидно, что я ему это объяснил, поскольку он тут же указывает в своей памятной записке:

«...что все страны Америки и мира борются за получение капитала и что деньги не будут направлены в страну, где есть значительная угроза того, что там будет проводиться дискриминационная политика в отношении частных предприятий.

В этом пункте я снова не думаю, что сумел добиться многого.

С большим тактом я попытался намекнуть Кастро, что Муньос Марин провел великолепную работу в Пуэрто-Рико в плане привлечения частного капитала и в целом повышения уровня жизни своего народа и что Кастро прекрасно мог бы послать в Пуэрто-Рико одного из своих главных экономических советников, чтобы он переговорил с Муньосом Марином. Это предложение не вызвало у него большого энтузиазма, и он указал, что кубинский народ «настроен очень националистически» и будет смотреть с подозрением на любую программу, начатую в стране, считающейся «колонией» Соединенных Штатов.

Я склонен думать, что действительной причиной его поведения было то, что он просто не согласен с твердой позицией Муньоса как защитника частного предпринимательства и не желает слушать советов, которые могли бы отвлечь его от задачи направить Кубу в сторону более социалистической экономики.

В Соединенных Штатах не следовало бы столько говорить о их опасениях в плане того, что могли бы сделать коммунисты на Кубе или в любой другой стране Латинской Америки, Азии или Африки.

Я также попытался поставить наше отношение к коммунизму в контекст, указав, что коммунизм – это нечто большее, чем просто концепция, и что его агенты обладают опасной способностью захватывать власть и устанавливать диктатуры.

Следует подчеркнуть, что он не задал никаких вопросов о сахарной квоте и даже специфически не упомянул об экономической помощи.

Моя оценка его как человека несколько неоднозначна. Однако мы можем быть совершенно уверены в том, что он обладает этими неопределимыми качествами, которые делают его лидером. Что бы мы о нем ни думали, он станет важным фактором в развитии Кубы и, очень возможно, в делах Латинской Америки в целом. Он кажется искренним, но или невероятно наивен в отношении коммунизма, или находится под коммунистической опекой.

Но так как он обладает силой руководителя, о которой я говорил, единственное, что мы можем сделать, это по крайней мере попытаться сориентировать его в правильном направлении».

Так завершается его конфиденциальная памятная записка Белому дому.

Когда Никсон начинал говорить, его было не остановить. Он имел привычку поучать латиноамериканских правителей. Он не набрасывал того, что думал сказать, и не записывал того, что говорил. Он отвечал на вопросы, которые ему не задавали, включал темы только на основе своего предварительного мнения о собеседнике. Даже ученику начальной школы не приходилось выслушивать столько уроков сразу о демократии, антикоммунизме и остальных предметах, связанных с искусством правления. Он был фанатиком развитого капитализма и его господства над миром в силу естественного права. Он идеализировал систему. Другого он не воспринимал, не было ни малейшей возможности вести с ним разговор.

Убийства начались при правительстве Эйзенхауэра и Никсона. Невозможно объяснить, почему Киссинджер воскликнул буквально, что «пролилась бы кровь, если бы стало известно, например, что генеральный прокурор Роберт Кеннеди лично руководил покушением на Фиделя Кастро». Кровь пролилась раньше. Остальные администрации, за некоторыми исключениями, продолжали ту же политику.

В памятной записке начальника подразделения западного полушария ЦРУ Дж. С. Кинга от 11 декабря 1959 года говорится дословно следующее: «Тщательно проанализировать возможность уничтожить Фиделя Кастро... Многие хорошо информированные лица считают, что исчезновение Фиделя в большой степени ускорило бы падение правительства...».

Как признавалось ЦРУ и сенаторским комитетом Черча в 1975 году, планы убийства возникли в 1960 году, когда намерение покончить с Кубинской революцией было отражено в президентской программе в марте того года. Памятная записка, составленная Дж. С. Кингом, была направлена генеральному директору ЦРУ Аллену Даллесу с припиской, где ясно просили утвердить эту и другие меры. Все были приняты и встречены с благосклонностью, особенно предложение об убийстве, как видно из следующего примечания к документу, подписанного Алленом Даллесом и датированного следующим днем, 12 декабря: «Утверждается рекомендация, содержащаяся в абзаце 3».

В проекте книги с подробным анализом рассекреченных документов, составленном Педро Альваресом-Табио – директором Бюро по вопросам истории Государственного совета, - сообщается, что «до 1993 года органы кубинской государственной безопасности раскрыли и обезвредили в целом 627 заговоров с целью покушения на жизнь Главнокомандующего Фиделя Кастро. Эта цифра включает как планы, достигшие какой-либо стадии конкретного исполнения, так и те, которые были нейтрализованы на начальном этапе, а также другие попытки, о которых различными путями и по различным причинам было публично сообщено в самих Соединенных Штатах. Сюда не включено множество случаев, которые нельзя было проверить, поскольку имеются только свидетельские показания некоторых участников, а также, конечно, планы, возникшие после 1993 года».

Ранее из доклада полковника Джека Хоукинса – командира военизированных подразделений ЦРУ во время подготовки к вторжению в бухте Кочинос, стало известно, что «штаб военизированных подразделений изучил возможность организации штурмовых сил большего масштаба, чем маленькие силы на всякий случай, запланированные ранее.

Считалось, что эти силы высадутся на Кубе после развертывания эффективных действий сопротивления, включая активные силы партизан. Следует указать, что в этот период партизанские силы с успехом действовали в Эскамбрае. Было задумано, что высадка штурмовых сил после того, как деятельность по сопротивлению станет повсеместной, ускорит общее восстание и вызовет массовое дезертирство из рядов вооруженных сил Кастро, что значительно способствовало бы его свержению.

Концепция использования амфибийных и воздушно-десантных штурмовых сил была проанализирована на заседаниях Специальной группы в ноябре и декабре 1960 года. Хотя

группа не приняла определенного решения в отношении использования этих сил, она также не возражала против того, чтобы их развитие продолжалось в целях возможного использования. Президент Эйзенхауэр был проинформирован об этой идее представителями ЦРУ в конце ноября того же года. Президент выразил желание, чтобы все действия, которые уже проводились соответствующими отделами, энергично продолжались».

Что сообщил Хоукинс о «результатах программы антикубинских тайных операций с сентября 1960 года до апреля 1961 года»?

Не более и не менее как следующее.

«а. Внедрение военизированных агентов. В страну-объект было внедрено семьдесят подготовленных военизированных агентов, включая девятнадцать радиооператоров. Семнадцать радиооператоров сумели установить сети связи с центральными офисами ЦРУ, хотя некоторые были позже схвачены или потеряли свое оборудование.

б. Операции по воздушному обеспечению. Эти операции не имели успеха. Из 27 попыток только четыре добились желаемых результатов. Кубинские летчики быстро доказали, что не имеют нужных способностей для операций такого рода. Специальная группа отказала в разрешении на контрактацию для выполнения этих миссий американских летчиков, хотя было разрешена контрактация летчиков для использования в отдельных случаях.

с. Операции по морскому обеспечению. Эти операции добились значительного успеха. Суда, совершавшие рейсы из Майами на Кубу, передали более 40 тонн оружия, взрывчатых веществ и военного оборудования и внедрили и вывезли большое число агентов. Определенное количество переданного оружия было использовано для частичного обеспечения 400 партизан, которые действовали в течение значительного времени в Эскамбрае, провинция Лас-Вильяс. Большинство диверсий, совершенных в Гаване и других местах, было осуществлено с использованием материалов, поставленных таким образом.

д. Развитие партизанской деятельности. Агенты, заброшенные на Кубу, сумели создать широкую подпольную организацию, которая протянулась из Гаваны в остальные провинции. Однако только в Эскамбрае была действительно эффективная партизанская деятельность, там по подсчетам от 600 до тысячи плохо оснащенных партизан, организованных в банды от 50 до 200 человек, успешно действовали более шести месяцев. Координатор действий в Эскамбрае, обученный ЦРУ, нелегально въехал на Кубу и сумел проникнуть в зону партизанских действий, но сразу же был схвачен и быстро казнен. Другие маленькие партизанские подразделения действовали в отдельных случаях в провинциях Пинар-дель-Рио и Ориенте, но не добились значительных результатов. Агенты сообщали о большом количестве безоружных людей во всех провинциях, готовых участвовать в партизанской деятельности, если бы у них было оружие.

е. Диверсии.

1. В период с октября 1960 года по 15 апреля 1961 года диверсионная деятельность имела следующую динамику:

(а) испорчено примерно 300 000 тонн сахарного тростника в ходе 800 пожаров;

(б) устроено примерно еще 150 пожаров, включая 42 дома по сушке табака, две бумажные фабрики, сахарочистительный завод, две молочные фермы, четыре склада и 21 дом коммунистов;

(с) подорвано с использованием динамита около 110 объектов, включая помещения комитетов Коммунистической партии, электростанцию в Гаване, два склада, железнодорожный вокзал, автовокзал, общежития милисиано, железнодорожные пути и другие;

(d) подложено примерно 200 петард в провинции Гавана;

(e) сведено с рельсов шесть поездов, разрушена одна микроволновая станция и кабели и многочисленные электротрансформаторы;

(f) диверсионная группа внезапно напала с моря на Сантьяго, в результате чего примерно на неделю был выведен из строя нефтеперерабатывающий завод».

Вот что известно благодаря информации Хоукинса. Любой может понять, что двести взрывных устройств в главной провинции отсталой страны, которая жила благодаря монокультуре сахарного тростника, полурабскому труду и сахарной квоте, заработанной почти за два века в качестве надежного поставщика и чьи земли и самые производительные сахарные заводы были собственностью крупных американских предприятий, представляли собой зверский акт тирании, направленный против кубинского народа. Добавьте к этому остальные совершенные акции.

Больше я ничего не скажу. На сегодня довольно.

Фидель Кастро Рус

7 июля 2007 года

15.00 часов.

Дата:

07/07/2007

Source URL: <http://www.comandanteenjefe.com/ru/articulos/vsemirnaya-tiraniyao>